

Джон Норвич

A HISTORY
OF SICILY

Norwich
JOHN JULIUS

ИСТОРИЯ СИЦИЛИИ

ДЖОН
НОРВИЧ

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(450)
ББК 63.3(4Ита)
Н82

John Julius Norwich
SICILY

Перевод с английского *В. Желнинова*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Felicity Bryan Associates Ltd. и Andrew Nurnberg.

Норвич, Джон.

Н82 История Сицилии / Джон Норвич ; [пер. с англ. В. Желнинова]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-17-099444-1 (История в одном томе)

ISBN 978-5-17-099443-4 (Страницы истории)

«Сицилия – вот ключ ко всему», – говорил Гете.

Это крупнейший остров в Средиземном море.

Это посредник между Европой и Африкой.

Это ворота между Востоком и Западом, связующее звено между латинским и греческим мирами.

Финикийцы и греки, карфагеняне и римляне, готы и византийцы, арабы и норманны, немцы, испанцы и французы – все оставили свой след на Сицилии.

Почему именно Сицилия стала таким перекрестком культур?

Какие из многочисленных легенд о ней правдивы, а какие – нет?

И почему история острова оказалась столь трагичной?

Об этом рассказывает в своей увлекательной книге сэр Джон Джулиус Норвич.

УДК 94(450)
ББК 63.3(4Ита)

© John Julius Norwich, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Введение.....	17
Глава 1. Греки.....	23
Глава 2. Карфагеняне.....	43
Глава 3. Римляне, варвары, византийцы, арабы.....	60
Глава 4. Норманны.....	86
Глава 5. Гибель королевства.....	108
Глава 6. Stupor Mundi.....	135
Глава 7. Сицилийская вечерня.....	152
Глава 8. Господство Испании.....	172
Глава 9. Пиратство и революция.....	189
Глава 10. Пришествие Бурбонов.....	215
Глава 11. Наполеон, Нельсон и Гамильтоны.....	238
Глава 12. Жозеф и Иоахим.....	261
Глава 13. Конец династии Мюратов.....	282
Глава 14. Карбонарии и Quarantotto.....	299
Глава 15. Рисорджименто.....	320
Глава 16. Мафия и Муссолини.....	344
Глава 17. Вторая мировая война.....	362
Эпилог.....	374
Благодарности.....	380
Библиография.....	381

*Посвящается
всем моим детям и внукам*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сицилию я открыл для себя более полувека назад, почти по ошибке. В июне 1961 года мне довелось работать в Министерстве иностранных дел, и я занимался вопросами Ближнего Востока, когда Ирак вторгся в Кувейт. (Все повторяется, увы...) Разразился кризис; Великобритания направила в регион свои войска, и мне пришлось трудиться без отдыха до середины октября. Из чего следовало, что, если нам с женой хочется солнца и тепла в отпуске, мы должны забраться достаточно далеко на юг; именно по этой причине — и ни по какой другой — мы остановили свой выбор на Сицилии. Для нас обоих это было первое знакомство с островом, и ни один из нас не знал о месте ничего вообще. На машине мы доехали до Неаполя, затем взяли билеты на ночной паром до Палермо. Ранним утром на палубе возникло изрядное оживление, поскольку паром проходил мимо Стромболи, а этот вулкан выпускал в воздух струю пламени каждые полминуты, будто великан, покуривающий огромную сигару. Несколько часов спустя, буквально с первыми лучами солнца, паром вошел в бухту Конка д'Оро, Золотая раковина, на берегу которой раскинулся город. Пейзаж ласкал взгляд, но помню, что меня еще поразило мгновенное изменение атмосферы. До Мессинского пролива была всего пара миль, в политическом отношении остров являлся частью Италии, но как-то сразу чувствовалось, что ты попал в совершенно другой мир.

В следующие две недели мы исследовали этот мир настолько тщательно, насколько было для нас возможно. Увидеть все было просто невысказано — площадь острова составляет почти ровно 10 000 квадратных миль, а большинство дорог представляло собой грунтовки, — но мы прилагали все силы. Думаю, не только местные особенности, но само их невероятное разнообра-

зие поразило меня больше всего: тут и древние греки, и римляне, и византийцы, и арабы, и, наконец, эпоха барокко... Но окончательно меня свели с ума норманны. Мне вспомнился абзац из «Истории Европы» Г. А. Л. Фишера, где норманны на Сицилии удостоились лишь мимолетного упоминания; я оказался не готов к чудесам, которые меня ожидали. Довольно будет, пожалуй, двух примеров — Палатинской капеллы в Палермо, латинской по своему плану, со стенами, украшенными великолепной византийской мозаикой, и с крышей в сугубо арабском стиле, с деревянным потолком, каким могла бы гордиться любая мечеть; и громадной, двенадцатого столетия, мозаичной фрески Христа Пантократора в Чефалу, наилучшей «рекламой» христианства, какую я когда-либо видел.

Стоило мне узреть эти чудеса, как я понял, что не смогу забыть эти норманнские памятники, и по возвращении в Лондон отправился напрямик в библиотеку. К моему удивлению, книги на английском по истории Сицилии практически отсутствовали; зато нашлись два тома под названием «Histoire de la Domination Normande en Italie et en Sicile» («История норманнского владычества в Италии и на Сицилии»), опубликованные в Париже в 1907 году за авторством некоего месье Фердинанда Шаландона, который именовал себя «архивистом-палеографом». Месье Шаландон выполнил свою работу с достойным восхищения прилежанием; он изучил все доступные источники, прошерстил бесчисленное множество монастырских библиотек, снабдил свой труд примечаниями и библиографией, а также — что редкость для французских научных работ того времени — указателем. Единственное, в чем он не преуспел (и это показательно), — это в придании смысла своему исследованию. Факт громоздился на факт на протяжении почти 600 страниц, но ни разу не высказывалось предположения, что автор обнаружил нечто прекрасное, удивительное или особенно примечательное. В итоге читатель получил два довольно занудных, изобилующих датами и цифрами тома. С другой стороны, Шаландон проделал, по сути, всю подготовительную работу — мне оставалось лишь превратить его фолиант в интересное и читабельное произведение.

Тем не менее это был вызов — и я сразу понял, что урывками работать не получится. Пришлось расстаться с дипломатической службой и взяться за перо всерьез. Так уж вышло, что работа растянулась на многие десятилетия, однако мое собственное

двухтомное исследование по истории норманнов обеспечило хороший старт. Занимаясь этой историей, я был вынужден отвечать самому себе на вопрос о целесообразности изучения этой темы; лишь однажды встретился человек, который смог оценить предмет моих исследований, и даже сегодня, пятьдесят лет спустя, я по-прежнему задаюсь вопросом: почему эта замечательная история, история возвышения, образно выражаясь, из грязи в князи, в которой были задействованы братья и кузены тех самых норманнов, что разгромили саксов в 1066 году, до сих пор остается почти неизвестной в Англии? В настоящее время множество людей проводит свой отпуск на Сицилии, и потому можно считать, что ситуация, вероятно, изменилась к лучшему; но подавляющее большинство туристов куда больше интересуется красивыми фотографиями, нежели рассказами гидов, а потому я далеко не уверен в справедливости этого вывода.

В ходе работы над первым томом моего исследования — «Норманны на юге», который предполагалось опубликовать в 1967 году, — мне поступило предложение сделать документальный фильм об истории Сицилии для «Би-би-си телевижн». Сегодня чрезвычайно сложно поверить в то, что фильм был черно-белым, но это правда, и хотя в целом фильм получился не слишком удачным, для первой попытки он был не так уж плох. Никто не торопился облегчить нам задачу. Пожилой священник, заведовавший Палатинской капеллой, монсеньор Поттино, словно нарочно ставил нам палки в колеса буквально на каждом шагу. Сначала он отказался разрешить установку софитов — под тем предлогом, что лампы расплавят штукатурку, на которую была нанесена мозаика. Мы говорили, что софиты будут гореть всего тридцать секунд, что свет выключится задолго до того, как со штукатуркой произойдет непоправимое, но он не слушал. Затем ему не понравился наш штатив. Нет, нет, никаких штативов в часовне, они могут поцарапать пол. Мы не стали напоминать монсеньору о сотнях каблучков-«шпилек», которые угрожают полу каждый день; вместо этого мы смастерили устройство типа носилок, на которое и полагалось установить ножки штатива, чтобы пола касалась лишь гладкая тканевая поверхность. Нисколько не восхищенный нашей предприимчивостью, монсеньор Поттино продолжал качать головой; от него было не дожидаться ни слова извинения, ни даже намек на улыбку. В какой-то момент наш режиссер, который изъяснялся на отличном итальянском, вышел из себя. «Этот человек, — сказал он,

указывая, к моему величайшему смущению, на меня, — носит титул виконта. Кроме того, он член палаты лордов. Когда он вернется в Лондон, то безусловно сообщит палате о том, как с ним здесь обращались». Монсеньор Поттино посмотрел на него с жалостью. «Io sono marchese»*, — только и ответил он. Что называется, туше; оставалось лишь признать свое поражение.

Впрочем, этот священник оказался единственным по-настоящему недружелюбным сицилийцем из всех, кого я когда-либо встречал; при этом нигде на острове, мне кажется, нас не встречали с той неподдельной и бурной радостью, какая свойственна жителям материковой Италии. Еще сразу бросалась в глаза другая местная особенность, прежде всего в деревнях, — отсутствие женщин. Их редко можно было увидеть в кафе, где обыкновенно доминировали мужчины, которые, играя в карты, кидали каждую карту на стол с таким видом, будто это козырной туз, будто на кону — сама их жизнь. Смех слышался нечасто. Порой я задаю вопрос, не связано ли это, хотя бы отчасти, с исламским прошлым Сицилии; но, разумеется, есть множество других факторов, которые необходимо принимать во внимание: многовековая ужасающая нищета, бесконечные завоевания и привычная жестокость завоевателей, не говоря уже о природных катастрофах — землетрясениях, эпидемиях, извержениях вулканов. Даже на западе острова гора Этна видится расположенной совсем близко.

Написание этой книги далось мне труднее, чем я ожидал. Во-первых, я был удивлен и даже слегка шокирован открывшейся мне степенью моего неведения. После нескольких визитов в качестве приглашенного лектора в ходе туров и круизов я свел, что называется, шапочное знакомство с большей частью острова; но я думал, что знаю намного больше, чем оказалось на самом деле. Приглашенные лекторы, если уж на то пошло, обычно довольствуются тем, что, так сказать, скользят по поверхности — у них нет времени углубляться в подробности; помимо трагически короткого периода норманнского владычества в одиннадцатом-двенадцатом столетии, я мало что знал об истории острова. Поэтому пришлось начитывать изрядные объемы литературы. Вдобавок я столкнулся с другой проблемой: со средних веков Сицилия всег-

* «Я маркиз» (*ит.*). Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

да кому-то принадлежала. После войны Сицилийской вечерни 1282 года она стала испанской колонией, и следующие почти четыре столетия на острове фактически ровным счетом ничего не происходило. Наместники назначались и снимались, бароны продолжали эксплуатировать крестьянство, но действительно важных событий было настолько мало, что подробное изложение истории острова в хронологическом порядке рисовалось невозможным. Даже великолепная трехтомная история Сицилии Мозеса Финли и Дениса Максмита отводит данному периоду чуть более ста страниц; что касается моей книги, я счел, что двух глав вполне достаточно.

В восемнадцатом столетии, после Утрехтского мира, все пошло значительно живее. Семь лет господства Пьемонта, четырнадцать лет правления Австрии — а затем вернулись испанцы; но на сей раз это были испанские Бурбоны, которые все больше и больше «итальянизировались» с ходом времени и постепенно начали презирать и ненавидеть своих мадридских кузенов. Однако Сицилия продолжала оставаться на периферии, центр событий неумолимо смещался в Неаполь, и такое положение сохранялось, по большей части, следующие сто тридцать лет. Естественно, мы должны следовать ходу истории: неаполитанские короли были также королями Сицилии, а поныне привлекающая внимание история Нельсона и четы Гамильтонов — которую ни в коем случае нельзя не затронуть — началась в одном королевстве и завершилась в другом. В период наполеоновских войн Бурбонов на короткий срок сменил зять французского императора, довольно нелепый Иоахим Мюрат; затем Бурбоны вернулись еще на полвека, но Рисорджименто* избавилось от них навсегда.

История Сицилии — как я неоднократно замечал — это печальная история, поскольку Сицилия — печальный остров. Гости прибывают сюда, в большинстве своем, на неделю или две, и вряд ли, думаю, фиксируют этот факт. Солнце светит, море отликает невероятной голубизной, достопримечательности вызывают удивление и восхищение. Если эти гости окажутся достаточно разумными, чтобы отправиться в Чефалу, они очутятся лицом к лицу с одним из самых грандиозных в мире произведений

* Национально-освободительное движение за объединение Италии (1840-е — 1871-й год). — *Примеч. ред.*

искусства*. Но печаль буквально разлита в воздухе, и каждый сицилиец это знает. Данная книга, помимо всего прочего, представляет собой попытку проанализировать причины сицилийской печали. Если попытка не удастся, это случится потому, что причины печали столь многочисленны и разнообразны, — а еще, быть может, потому, что я не сицилиец и для меня и подобных мне этот прекрасный остров всегда будет оставаться загадкой.

Сегодня мой восемьдесят пятый день рождения, и вполне может быть, что я больше никогда не вернусь на Сицилию. Таким образом, эта книга — своего рода прощание. Пускай остров наполнен печалью, однако он оделил меня немалой радостью и обеспечил начало — равно как, возможно, и завершение — моей литературной карьеры. Текста, который следует далее, явно недостаточно, чтобы выразить всю глубину моих чувств, но эти страницы писались с глубокой благодарностью и любовью.

Джон Джулиус Норвич

Лондон, сентябрь 2014 г.

* Если они сядут на паром через пролив в Реджо и возьмут такси до археологического музея Великой Греции, их ожидает еще одно чудо — великолепная пара греческих статуй (обнаженные воины), известные как «воины из Риаче».

«Мы стары, Шевалье, мы очень стары. Вот уж по крайней мере двадцать пять веков, как мы несем на своих плечах бремя великолепных и чуждых нам по духу цивилизаций, которые привнесены извне; ни одна из них не пошла от нашей завязи, ни одной из них мы не положили начала; мы люди такой же белой кожи, как и вы, Шевалье, такой же белой, как у королевы Англии, и все же вот уж две с половиной тысячи лет мы являемся колонией. Я говорю это не для того, чтоб жаловаться: это наша вина. Но все равно мы устали, мы опустошены...

— Такова жестокость пейзажа, такова суровость климата, таково постоянное напряжение, в котором здесь пребывает все, таковы даже памятники прошлого, великолепные, но непонятные нам потому, что они воздвигнуты чужими руками и окружают нас, как прекрасные немые призраки; и все эти правители, неизвестно откуда прибывшие и высадившиеся на наших берегах с мечом в руках: им сначала рабски служат, а вскоре начинают ненавидеть, но их никогда не понимают, их воплощением становятся лишь загадочные для нас произведения искусства да вполне конкретные сборщики налогов, которые затем расходуются не у нас, — все это образовало наш характер, который таким образом обусловлен роковыми внешними обстоятельствами, а не только пугающей островной отрешенностью наших душ»*.

Джузеппе Томази ди Лампедуза «Леонард»

* Перевод Г. С. Брейтбурда. — *Примеч. ред.*